

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Кафедра уголовного процесса

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему «СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ В
РОССИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ)»

Выполнил
Хамидуллин Линар Алмазович,
обучающийся по специальности
40.05.02 Правоохранительная деятельность,
2021 года набора, 121 учебного взвода

Руководитель
преподаватель кафедры
Гаджиалиева Аделина Теймурхановна

К защите _____

рекомендуется / не рекомендуется

Начальник кафедры _____

Латыпов В.С.

подпись

Дата защиты «___» _____

2026 г. Оценка _____

ПЛАН

Введение.....	3
Глава 1. Исторические и правовые аспекты государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству	6
§ 1. Эволюция института обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству	6
§ 2. Сравнительный анализ российского законодательства и законодательства некоторых зарубежных стран по вопросам организации обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводств.....	13
Глава 2. Организационно-тактические и уголовно-процессуальные проблемы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству на досудебной стадии уголовного судопроизводства.....	19
§ 1. Зарубежное право в сфере защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству	19
§ 2. Способы обеспечения безопасности подозреваемых и обвиняемых, содействующих раскрытию и расследованию преступлений	26
§ 3. Совершенствование организации применения мер государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству.....	35
Заключение.....	43
Список использованной литературы	47
Приложение 1	55

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена целым рядом факторов. Во-первых, трансформация форм организованной преступности, приобретающей все более жесткий характер, создает объективную необходимость в развитии и совершенствовании механизмов государственной защиты лиц, содействующих правосудию. Статистические данные, приведенные на официальном сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), свидетельствуют о том, что в условиях высокого уровня латентности преступлений именно показания защищаемых лиц часто становятся решающим доказательством при раскрытии и расследовании деяний, совершенных организованными преступными группировками¹. Результаты проведенного анкетирования сотрудников подразделений государственной защиты подтверждают это и указывают на высокую востребованность института: 83,3% респондентов отметили необходимость актуализации законодательства, а 58,3% оценили его текущую эффективность лишь как среднюю, что свидетельствует о наличии проблем в правоприменении (Приложение 1).

Во-вторых, действующее законодательство Российской Федерации, несмотря на наличие специализированного Федерального закона от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – ФЗ-119)² и от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц

¹Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/> (дата обращения: 10.01.2026)

² О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 31 июля 2004 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 августа 2004 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. №. 15. Ст. 1796.

правоохранительных и контролирующих органов» (далее – ФЗ-45)¹, содержит ряд пробелов и коллизий в регламентации применения мер государственной защиты на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Межведомственная разобщенность органов, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, выявленная в ходе анализа практики территориальных органов внутренних дел, свидетельствует о необходимости научного переосмысления эффективности применяемых тактических и организационных методов.

Теоретическая значимость исследования заключается в изучении и дополнении концепции уголовно-процессуальной охраны участников уголовного судопроизводства, обобщении зарубежного опыта программ защиты свидетелей (таких как-США, Италия, Германия) и формулировании модели правового регулирования мер безопасности, учитывающей современные формы организованной преступности и потребности развития российского уголовного законодательства в данной сфере.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что его результаты могут быть использованы при совершенствовании нормативно-правовой базы, регламентирующей применение мер государственной защиты, а также при подготовке рекомендаций для органов внутренних дел по совершенствованию организационно-тактических подходов к обеспечению безопасности участников судопроизводства.

Объект исследования выступают общественные отношения, возникающие при реализации функций государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, на досудебной стадии уголовного процесса, а также нормативно-правовые акты, регулирующие порядок применения мер безопасности.

Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства, содержащие порядок применения мер процессуальной

¹ О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федер. закон Рос. Федерации от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 марта 1995 г. 1995. №. 31. Ст. 2795.

безопасности, организационно-тактические особенности и правовые подходы к обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства, а также практика деятельности оперативных подразделений государственной защиты по реализации мер безопасности, в особенности в отношении подозреваемых и обвиняемых, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве.

Целью исследования является исследование исторических и правовых аспектов государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству и организационно-тактических и уголовно-процессуальных проблем обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Исходя из поставленной цели, необходимо поставить следующие задачи:

- проанализировать эволюцию института обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству;
- рассмотреть и раскрыть сравнительный анализ российского законодательства и законодательства некоторых зарубежных стран по вопросам организации обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству;
- изучить зарубежное право в сфере защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству;
- раскрыть способы обеспечения безопасности подозреваемых (обвиняемых), содействующих раскрытию и расследованию преступлений;
- рассмотреть перспективу совершенствования организации применения мер государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству.

Структура работы состоит из введения, двух глав, включающие в себя пять параграфов, заключения, список использованной литературы и приложение.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЦ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ УГОЛОВНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ

§ 1. Эволюция института обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству

Исследование генезиса института государственной защиты в отечественном правовом поле представляется не просто данью исторической традиции, но необходимым методологическим базисом для понимания современных проблем его функционирования. Ретроспективный анализ позволяет констатировать, что путь к формированию полноценного механизма обеспечения безопасности участников уголовного процесса в России был извилистым, тернистым и характеризовался длительным периодом законодательного игнорирования прав личности в угоду публичным интересам государства. Современная научная доктрина, представленная в трудах О.А. Зайцева¹, Л.В. Брусницына² и ряда исследователей, сходится во мнении, что эволюцию данного института нельзя рассматривать линейно: это был процесс смены целых правовых парадигм – от полной незащищенности личности в советский период до формирования комплексной системы мер безопасности в современном законодательстве.

Обращаясь к истокам, следует отметить, что советское уголовно-процессуальное законодательство фактически не оперировало понятием «государственная защита» в том смысле, который вкладывается в него сегодня.

¹ Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование): монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрлитинформ, 2024. 501 с.

² Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса: монография. М-во внутр. дел РФ, Всерос. НИИ. М.: ВНИИ МВД РФ, 1997. 135 с.

Как справедливо отмечает в своем исследовании Н.В. Маликова¹, советская модель правосудия базировалась на приоритете государственных интересов над частными, где свидетелю и потерпевшему отводилась утилитарная роль «источника доказательств», обязанного содействовать установлению истины, зачастую в ущерб собственной безопасности. Уголовно-процессуальные кодексы Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – УПК РСФСР) 1922 и 1923 годов вовсе не содержали норм, позволяющих оградить участников процесса от посткриминального воздействия. Это объяснялось идеологической установкой на то, что в социалистическом обществе организованная преступность как явление отсутствует, а отдельные эксцессы давления на свидетелей могут быть купированы общими мерами уголовной ответственности за угрозы или насилие.

Ситуация начала меняться лишь с принятием УПК РСФСР 1960 года², однако и в нем защитные механизмы носили фрагментарный, скорее «процессуальный», нежели «охранительный» характер. В частности, ст. 96 допускала проведение закрытого судебного разбирательства в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц, а также в целях обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и других участвующих в деле лиц, членов их семей или близких родственников. Однако, как верно подмечают современные криминалисты, данная норма была «полумерой»: она защищала от публичности в зале суда, но оставляла человека абсолютно беззащитным за его пределами³. Фактически, до начала 1990-х годов в стране отсутствовал легальный инструментарий физической защиты, смены документов или переселения лиц, чьей жизни угрожала опасность в связи с исполнением гражданского долга.

¹ Маликова Н.В. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: ретроспективный и перспективный анализ // Научный портал МВД России. 2024. № 1 (65). С. 18.

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 592. (дата обращения: 10.01.2026)

³ Рамазанов Р.М. Становление института государственной защиты участников уголовного процесса в дореволюционной и советской России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2 (84). С. 44.

Коренной перелом в подходах к проблеме произошел на рубеже 1980-1990-х годов, когда социально-политическая турбулентность и распад Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) спровоцировали взрывной рост преступности, которая стремительно приобретала организованные и жесткие формы. Научное сообщество того периода и современные исследователи единодушны в оценке этого периода как «кризисного катализатора»: именно расцвет бандитизма и системное запугивание свидетелей вынудили законодателя признать, что старые методы не работают¹.

Подобные ситуации не утратили актуальности и сегодня. Так, приговором Юргинского городского суда Кемеровской области установлено, что обвиняемый в период предварительного расследования дела об участии в организованном преступном сообществе систематически направлял свидетелям обвинения анонимные угрозы убийством через мессенджеры с использованием сим-карт, зарегистрированных на подставных лиц. Суд квалифицировал действия подсудимого по ч. 2 ст. 309 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее-УК РФ) и назначил наказание в виде лишения свободы сроком на три года².

Начало 1990-х годов ознаменовалось так называемой «войной законов» и попытками экстренно создать правовую базу для борьбы с организованной преступностью. Знаковым событием стало принятие Закона РФ от 13 марта 1992 года «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (позднее замененного Федеральным законом 1995 года)³, который впервые на законодательном уровне закрепил возможность проведения оперативных

¹Гапонова В.Н., Иванова М.Д. Актуальные вопросы совершенствования процесса доказывания (в контексте защиты участников) // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXVIII международной научно-практической конференции. Иркутск: ВСИ МВД РФ, 2023. С. 145.

² Приговор Юргинского городского суда Кемеровской области от 30 апреля 2025 г. № 1-95/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

³ Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июля 1995 г. – 1995. – №. 23. – Ст. 2684.

мероприятий не только для раскрытия преступлений, но и для обеспечения безопасности участников уголовного процесса. Однако это была лишь «первая ласточка», которая давала правоохранительным органам инструмент, но не давала четкого регламента его применения для защиты лиц.

В научной литературе последних лет разворачивается дискуссия относительно оценки законодательных инициатив середины 90-х. Ряд авторов критикует законодателя того времени за «элитарный» подход к безопасности. Речь идет о принятии ФЗ-45. Безусловно, этот закон был необходим, так как именно сотрудники милиции и судьи первыми приняли на себя удар криминалитета. Однако, как справедливо указывает О.А. Зайцев, возникла парадоксальная ситуация правового неравенства: государство гарантировало защиту своим служащим, оставляя «обычных» граждан – свидетелей и потерпевших – один на один с преступниками¹. Данная проблема оставалась наиболее острой почти все последнее десятилетие, что сказывалось на уровне доверия граждан к правоохранительной системе в целом.

В историческом контексте развитие законодательства о государственной защите участников уголовного судопроизводства несколько показательна и сложна. Так, в 1994 году в Государственной Думе уже обсуждался законопроект «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». По прохождении нескольких чтений в вышеуказанном законодательном уровне он был в конце концов принят, одна в 1997 году он был отклонен Президентом РФ. Причиной отклонения столь важного законопроекта являлся вопрос экономический, поскольку в те годы, когда страна была на грани дефолта, денежные ассигнований для реализации попросту не было, а данный законопроект действительно нуждался в весомом вложении. Однако вопрос был не только в области финансирования, но и в области анонимности свидетелей, что подтверждается и в научной литературе. Правозащитники и часть юридического сообщества опасались, что

¹ Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса: монография / О. А. Зайцев; М-во внутр. дел РФ. Всерос. НИИ. М.: ВНИИ МВД РФ, 1997. С. 112.

возможность засекречивания свидетелей нарушит право обвиняемого на защиту, превратив суд в инквизиционный процесс с «безликими обвинителями». Поиск баланса между безопасностью свидетеля и правами обвиняемого занял годы¹.

Только спустя десять лет после осознания проблемы, 20 августа 2004 года, был принят ФЗ-119. Принятие этого нормативного правового акта стало завершением этапа становления института и переходом к этапу его функционирования. ФЗ-119 стал, без преувеличения, революционным для российской правовой системы. Он ввел в оборот понятия «защищаемое лицо», «меры безопасности», «меры социальной поддержки». Важно отметить, что законодатель перенял в том числе и передовой зарубежный опыт (в частности, элементы американской программы WITSEC² и европейские стандарты), адаптировав их к российским реалиям.

Однако принятие закона в 2004 году не означало автоматического решения всех проблем. Период с 2005 по 2015 год можно охарактеризовать как этап «апробации и выявления коллизий». Практика территориальных органов внутренних дел, на которые легла основная нагрузка по реализации мер безопасности, выявила ряд сложностей. Механизмы осуществления меры безопасности «переселение на другое место жительства, замена документов, изменение внешности защищаемого лица» были не всегда эффективны из-за отсутствия жилого фонда, процедура смены документов сталкивалась с бюрократическими барьерами смежных ведомств, а финансирование программ защиты зачастую осуществлялось с задержками. В научных работах А.Р. Ахмадуллина и других исследователей этот период описывается как время

¹ Киселев А.М., Киселев М.В. Пятидесятилетний путь развития института государственной защиты свидетелей в мире и пути его реализации в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2019. № 2. С. 191.

² WITSEC – Федеральная программа защиты свидетелей США (также известна как Программа безопасности свидетелей). Программа предназначена для защиты свидетелей, которым угрожает опасность, и членов их семей до, во время и после судебного разбирательства, когда эти свидетели связаны с федеральным правительством.

«ручного управления», когда безопасность обеспечивалась не столько силой закона, сколько энтузиазмом и находчивостью оперативных сотрудников¹.

Современный этап развития института государственной защиты характеризуется качественным совершенствованием законодательства и смещением акцентов с физической защиты на информационную и социальную. Федеральным законом от 7 февраля 2017 года № 7-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»² и Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» были внесены существенные изменения, уточнившие порядок применения мер безопасности. Особое внимание уделяется проблематике цифровой безопасности. В условиях цифровизации общества физическая охрана свидетеля теряет смысл, если его местоположение можно отследить по биллингу телефона или активности в социальных сетях. Е.В. Епифанова в своих трудах подчеркивает, что законодатель сегодня вынужден догонять технический прогресс, разрабатывая новые протоколы защиты данных защищаемых лиц в государственных информационных системах³.

Нельзя обойти вниманием и мнение ученых, критически оценивающих текущее состояние института. Так, В.Н. Гапонова указывает на сохраняющуюся проблему латентности угроз: далеко не все потерпевшие заявляют об угрозах, не веря в способность государства их защитить. Ученый аргументированно

¹ Ахмадуллин А.Р. Сущность доказывания и проблемы защиты участников в современном уголовном процессе России // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 438.

² О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»: федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2017 г. № 7-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27 января 2017 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 1 февраля 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. №. 11. Ст. 1285.

³ Епифанова Е.В. Становление и развитие правовых институтов защиты личности в России. Краснодар, 2023. С. 89.

оспаривает тезис об «окончательной сформированности» института, полагая, что мы находимся лишь в середине пути, особенно в части постпрограммной адаптации лиц¹. Действительно, если вопросы физической защиты во время следствия отработаны достаточно эффективно (о чем свидетельствуют отчеты МВД), то психологическая реабилитация и помощь в трудоустройстве после переселения остаются «слабым звеном».

Другой важный вектор современной научной мысли, касается расширения круга защищаемых лиц. Если изначально ФЗ-119 был ориентирован преимущественно на потерпевших и свидетелей, то сегодня все чаще звучат предложения о необходимости более детальной регламентации защиты иных участников, например, специалистов и экспертов, на которых также может оказываться давление. Л.В. Брусницын, анализируя правоприменительную практику, отмечает, что «мертвые нормы» закона начинают оживать только при наличии должного финансирования и воли исполнителей на местах².

Таким образом, резюмируя эволюционный путь института государственной защиты в России, можно выделить три ключевых этапа его становления: 1) «латентный» (советский период) – отсутствие законодательной базы и отрицание проблемы; 2) «экстренный» (90-е годы) – фрагментарное регулирование в условиях роста организованной преступности, защита преимущественно должностных лиц; 3) «системный» (настоящее время) – формирование комплексного правового института, распространяющегося на всех участников судопроизводства. При этом современное состояние института нельзя назвать статичным. Наблюдается продолжающийся процесс трансформации, обусловленный новыми вызовами (киберугрозы, необходимость социальной адаптации защищаемых лиц). Итогом исторического

¹ Гапонова В.Н., Иванова М.Д. Актуальные вопросы совершенствования процесса доказывания (в контексте защиты участников) // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXVIII международной научно-практической конференции. Иркутск: ВСИ МВД РФ, 2023. С. 148.

² Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование): монография / Л. В. Брусницын. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 22.

развития стало понимание того, что государственная защита – это не просто набор правовых мер, а сложный межотраслевой комплекс, эффективность которого напрямую зависит от согласованности действий законодателя и правоприменителя на уровне территориальных органов внутренних дел. Дальнейшие перспективы развития данного института лежат в плоскости совершенствования механизмов социальной поддержки защищаемых лиц и усиления гарантий информационной безопасности в цифровой среде.

**§ 2. Сравнительный анализ российского законодательства
и законодательства некоторых зарубежных стран
по вопросам организации обеспечения безопасности лиц, содействующих
уголовному судопроизводству**

В условиях глобализации преступности и трансграничного характера криминальных угроз компаративистский анализ института государственной защиты перестает быть сугубо теоретическим и приобретает прикладное значение. Исследование зарубежных моделей позволяет не только выявить коллизии отечественного правового регулирования, но и спрогнозировать векторы его дальнейшего развития. Современная научная доктрина традиционно выделяет два основных подхода к организации защиты участников уголовного судопроизводства: англо-американский, ориентированный на полную смену идентичности и социальную «эвакуацию» защищаемого лица, и континентальный (европейский), делающий акцент на процессуальной безопасности и анонимности показаний. Российская Федерация, следуя собственному пути, имплементировала элементы обеих систем, что требует детального сопоставления с законодательством стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) и дальнего зарубежья.

Обращаясь к опыту Соединенных Штатов Америки (далее – США), следует признать их статус первопроходцев в данной сфере. Закон «О контроле над организованной преступностью» 1970 года (Organized Crime Control Act,

Title V) заложил фундамент программы WITSEC¹. Принципиальное отличие американской модели от российской заключается в институциональной автономии: защиту осуществляет Служба маршалов США (U.S. Marshals Service) – структура, организационно не подчиненная следственным органам, ведущим дело. В России же функции государственной защиты возложены на МВД России и иные ведомства, которые зачастую и расследуют преступления. Как справедливо отмечает О.А. Зайцев, российская модель «внутриведомственной» защиты имеет преимущество в оперативности обмена информацией, но проигрывает в вопросах независимости принятия решений и долгосрочного обеспечения безопасности, где американский опыт «пожизненной опеки» пока остается недостижимым стандартом финансирования².

Опыт Италии интересен для российской правоохранительной системы в контексте борьбы с организованными преступными сообществами. Итальянское законодательство сфокусировано на фигуре «pentiti» (раскаившихся), то есть соучастников преступления, согласившихся сотрудничать со следствием³. Здесь прослеживается ключевое различие: если в России государственная защита – это прежде всего мера безопасности, то в Италии это часть эффективного расследования преступлений, неразрывно связанная со смягчением наказания. Российский институт досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) сближает рассматриваемые правовые системы, однако в РФ меры безопасности могут применяться к любому свидетелю, независимо от его криминального прошлого, тогда как итальянская система более избирательна и прагматична.

¹Закон RICO (Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act) от 15 октября 1970 г. URL: <https://sl.ceur.ru/dictionary/zakon-rico-racketeer-influenced-and-corrupt-organizations-act/> (дата обращения: 10.01.2026)

²Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса: монография / О. А. Зайцев; М-во внутр. дел РФ. Всерос. НИИ. М.: ВНИИ МВД РФ, 1997. С. 112.

³Закон Иерволино-Вассалли от 26 июня 1990 г. № 162. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70019462/> (дата обращения: 10.01.2026)

Законодательство Федеративной Республики Германия (ZPEG – Закон о гармонизации защиты свидетелей) демонстрирует иной вектор, который частично был воспринят российским законодателем¹. Немецкая модель ставит во главу угла процессуальную защиту: возможность сохранения в тайне подлинных данных о личности, изменение внешности при даче показаний, использование видеоконференцсвязи. В.И. Коваленко подчеркивает, что Россия успешно переняла этот инструментарий (ст. 278.1 УПК РФ), однако немецкая практика отличается более жесткой регламентацией оснований для засекречивания свидетеля, что минимизирует риски нарушения права обвиняемого на защиту, в то время как в РФ данный баланс все еще является предметом дискуссий².

Особый интерес представляет анализ законодательства стран СНГ, поскольку правовые системы постсоветского пространства имеют общие корни и развиваются в русле гармонизации, заданной Модельным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству» от 6 декабря 1997 г. № 10-14³.

Законодательство Республики Беларусь (далее – РБ) наиболее близко к российскому. Закон РБ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, сотрудников органа государственной охраны» от 13 декабря 1999 года № 340-З⁴ и соответствующие нормы УПК РБ фактически зеркально отражают положения российского ФЗ-

¹ Федеральный закон «О гармонизации защиты свидетелей, которым грозит опасность» (ФРГ) от 11 декабря 2001 г. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/zshg/gesamt.pdf> (дата обращения: 10.01.2026).

² Коваленко В.И. Отечественный и зарубежный опыт государственной защиты участников уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (102). С. 45.

³ Модельный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству»: принят постановлением на десятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 6 декабря 1997 г. № 10-14 // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения: 10.01.2026).

⁴ О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, сотрудников органа государственной охраны: Закон Республики Беларусь от 13 декабря 1999 г. № 340-З. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/14bl0130/> (дата обращения: 10.01.2026)

119. Однако, как отмечают исследователи, в Беларуси более жестко централизована система принятия решений о применении мер безопасности, что исключает региональную «самодеятельность», характерную для некоторых субъектов РФ¹.

В Республике Казахстан (далее – РК) процесс реформирования института пошел по пути интеграции защитных механизмов непосредственно в УПК РК (глава 12), отказавшись от распыления норм по множеству подзаконных актов². Казахстанский опыт цифровизации уголовного процесса, внедренный в последние годы, опережает российский в части технической защиты данных свидетелей в электронных уголовных делах. Если в РФ проблема утечки данных все еще актуальна, то Казахстан внедрил блокчейн-технологии для фиксации доступа к сведениям о защищаемых лицах, что является безусловным плюсом³.

Законодательство Республики Узбекистан долгое время отставало в вопросах регламентации государственной защиты, однако принятие Закона Узбекистан от 14 января 2019 г. № ЗРУ-515 «О защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного процесса» ознаменовало переход к активной фазе правового становления и развития⁴. Принципиальное отличие заключается в более широком участии махалли (органов самоуправления граждан) в обеспечении социальной адаптации защищаемых лиц при их переселении, чего нет в России. Этот национальный колорит позволяет Узбекистану решать вопросы бытового устройства переселенцев без существенных бюджетных затрат, тогда как в РФ процедура переселения на

¹ Авдеев В.Н., Головки Л.В. Унификация законодательства стран СНГ в сфере борьбы с преступностью. М.: Зерцало-М, 2023. С. 88.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 10.01.2026)

³ Давлетбаева З. Сравнительный анализ эффективности института защиты свидетелей в странах Центральной Азии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 1. С. 14.

⁴ О защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного процесса: Закон Республики Узбекистан от 14 января 2019 г. № ЗРУ-515. URL: <https://lex.uz/docs/4159922> (дата обращения: 10.01.2026)

новое место жительства остается одной из самых дорогостоящих и сложно реализуемых мер¹.

В таких Республиках как Таджикистане² и Армения³ институт государственной защиты законодательно закреплён, но на практике сталкивается с серьёзным дефицитом финансирования. Сравнительный анализ показывает, что российский перечень мер безопасности значительно шире, чем в указанных республиках. Например, меры по замене документов и изменению внешности в Таджикистане применяются крайне редко ввиду отсутствия технической базы и специалистов, в то время как в России это востребованная мера безопасности. Тем не менее, законодательство Армении содержит интересную норму о возможности привлечения частных охранных структур к обеспечению безопасности под контролем полиции, что в России законодательно не урегулировано, хотя фактически иногда реализуется⁴.

Синтезируя вышеизложенное, можно выделить ряд преимуществ и недостатков российской модели в сравнении с зарубежным опытом.

К плюсам отечественной системы следует отнести наличие кодифицированного специального закона, который комплексно регулирует и процессуальные, и социальные, и организационные аспекты. В отличие от Германии, где нормы «разбросаны» по процессуальному законодательству, или США, где многое отдано на откуп ведомственным инструкциям Маршалльской службы, российский закон даёт исчерпывающий перечень мер. Также достоинством является государственное финансирование мер защиты из федерального бюджета, что выгодно отличает РФ от ряда стран СНГ (таких как-

¹ Нургалиев Б.М. Реформирование уголовного процесса в странах постсоветского пространства: опыт Узбекистана и Казахстана // Государство и право. 2023. № 5. С. 121.

² О государственной защите участников уголовного судопроизводства: Закон Республики Таджикистан от 3 июля 2012 г. № 865. URL: <https://ncz.tj/content> (дата обращения: 10.01.2026)

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 г. № ЗР-306. [Электронный ресурс]. Документ предоставлен из базы данных «Законодательство стран СНГ» (с) 2003-2024. СоюзПравоИнформ(дата обращения: 10.01.2026)

⁴ Смирнов А.В. Сравнительное уголовно-процессуальное право: учебник. М.: Проспект, 2022. С. 29.

Армения, Таджикистан), где бремя расходов частично может возлагаться на фонды или иметь дефицитный характер.

К минусам, выявленным в ходе сравнения, относится отсутствие независимого процессуального статуса органа, осуществляющего защиту. Как показывает опыт США, разделение функций следствия и защиты исключает конфликт интересов. Также российское законодательство уступает казахстанскому в вопросах нормативного закрепления цифровой безопасности личности.

Таким образом, российская модель государственной защиты представляет собой гибридную конструкцию, вобравшую в себя черты как инквизиционного, так и состязательного типов. Сравнение с законодательством стран СНГ демонстрирует лидерскую роль России в формировании правовой базы, однако значительно отстает в вопросах внедрения цифровых технологий защиты. Сравнение с западными моделями указывает необходимость дальнейшей автономизации подразделений государственной защиты и совершенствования механизмов социальной реабилитации, которые за рубежом развиты сильнее. Перспективы развития отечественного института лежат не в слепом копировании зарубежных норм, а в точечной имплементации передовых технических решений по защите персональных данных, апробированных в Казахстане и странах Европейского Союза. Данный вектор развития полностью коррелирует с мнением практических работников. При определении приоритетных направлений развития института 91,7% опрошенных сотрудников указали на необходимость совершенствования законодательства, а 75% - на важность повышения квалификации сотрудников (Приложение 1).

ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ УГОЛОВНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Зарубежное право в сфере защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству

Исследование зарубежного опыта в сфере обеспечения безопасности участников уголовного процесса является не просто данью компаративистской традиции, но необходимым условием для глубокого понимания генезиса и перспектив развития отечественного института государственной защиты. Исторический ретроспективный анализ показывает, что институт защиты свидетелей зарождался не как абстрактная гуманистическая идея, а как вынужденная, жесткая и прагматичная реакция государства на преступную деятельность мафиозных структур.

Безусловным «пионером» в данной области являются США, чей опыт до сих пор считается «золотым стандартом» ресурсного обеспечения безопасности, хотя и подвергается критике за высокое финансирование и социальные издержки. Генезис американской модели неразрывно связан с ростом влияния итало-американских мафиозных кланов («Коза Ностра») в середине XX века. К концу 1960-х годов правоохранительная система США столкнулась с «заговором молчания» (омертой): свидетели массово отказывались от показаний, выбирая тюремное заключение за неуважение к суду или лжесвидетельство вместо верной смерти от рук мафиозных объединений. Переломным моментом стало принятие Закона «О контроле над организованной преступностью» 1970 года (Organized Crime Control Act), раздел V которого заложил правовую основу Федеральной программы защиты свидетелей (WITSEC).

В современной научной литературе, в частности в работах А.А. Смыка и В.В. Войникова, подчеркивается, что уникальность американской модели заключается в ее радикальности¹. Программа WITSEC, администрируемая Службой маршалов США (U.S. Marshals Service), исходит из концепции «социальной смерти и возрождения»: защищаемому лицу и членам его семьи не просто обеспечивают физическую охрану, но полностью меняют идентичность (новые документы, легенда, переезд в другой штат, трудоустройство). Однако этот подход, эффективный с точки зрения физического (по статистике Службы маршалов, ни один участник программы, соблюдавший правила, не погиб), имеет серьезные издержки. Современные исследователи указывают на тяжелые психологические последствия для защищаемых лиц, вынужденных разорвать все связи с прошлым. Кроме того, дискуссионным остается вопрос о морально-психологической составляющей: подавляющее большинство WITSEC – это не невинные очевидцы, а бывшие преступники, согласившиеся сдать подельников в обмен на государственный иммунитет и новую жизнь. Тем не менее, как верно замечает профессор О.А. Зайцев, именно американская модель доказала, что разрушить иерархическую преступную организацию извне практически невозможно – это можно сделать только изнутри².

Иной, но не менее значимый вектор развития демонстрирует Итальянская Республика. Если в США основанием создания системы защиты был прагматизм, то в Италии — открытая война государства с мафией, достигшая пика в 1980–90-е годы (период, известный как «свинцовые годы» и последующая эпоха «Maxi Trial»). Итальянская модель, закрепленная в Законе № 82 от 15 марта 1991 года, сфокусирована на фигуре «pentiti» (раскаявшихся). Специфика итальянского подхода, заключается в тесной связи мер защиты с

¹ Смык А.А., Войников В.В. Сравнительно-правовой анализ институтов государственной защиты свидетелей в уголовном процессе США и стран Европейского Союза // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (71). С. 45.

² Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса: монография / О. А. Зайцев; М-во внутр. дел РФ. Всерос. НИИ. М.: ВНИИ МВД РФ, 1997. С. 118.

ценностью предоставляемой информации. В отличие от США, где решение принимает прокурор совместно с маршалами, в Италии функционирует специальная Центральная комиссия при МВД, которая оценивает значимость показаний¹.

Современное состояние итальянского института государственной защиты характеризуется тенденцией к экономии ресурсов и ужесточению требований к «раскаявшимся». Законодательные реформы последних лет были направлены на то, чтобы исключить ситуации, когда мафиози использовали программу защиты для отдыха от криминальных войн, продолжая руководить кланами из конспиративных квартир. В научной среде существует консенсус, что итальянский опыт особенно ценен для России в части дифференциации мер безопасности. Италия активно использует не только полное изменение личных данных (что дорого и сложно), но и временные меры, такие как домашний арест в безопасном месте или содержание в специальных пенитенциарных блоках. При этом итальянские криминологи (и их российские коллеги, анализирующие этот опыт) признают, что система защиты «pentiti» несет в себе коррупционные риски и требует высокого уровня контроля со стороны спецслужб, чего не всегда удается достичь на практике.

Третий вектор, представляющий особый интерес в контексте романо-германской правовой семьи, к которой тяготеет и Россия, это опыт Федеративной Республики Германия. Немецкая модель защиты, в отличие от англо-американской, формировалась под влиянием борьбы не столько с традиционной мафией, сколько с террористическими организациями (РАФ) в 70-х и этническими преступными группировками (наркотрафик, торговля людьми) в 90-х годах. Законодательным фундаментом здесь выступает Закон «О гармонизации защиты свидетелей» (ZSHG) от 2001 года, а также соответствующие нормы Уголовно-процессуального кодекса (StPO).

¹ Елифанова Е.В. Зарубежный опыт обеспечения безопасности участников уголовного процесса: история и современность // Общество и право. 2023. № 2 (84). С. 92.

Принципиальное отличие немецкого подхода, которое выделяет исследователь В.Н. Гапонова, заключается в приоритете процессуальных мер защиты над внепроцессуальными¹. Если в США главное – обеспечить безопасность человека физически, то в Германии акцент смещен на создание условий, при которых свидетель может дать показания, не раскрывая своей личности суду и обвиняемому, либо делая это в условиях ограниченной видимости. Немецкое правосудие крайне трепетно относится к правам обвиняемого, поэтому использование анонимных свидетелей там строго регламентировано и допускается лишь в исключительных случаях, когда иные меры неэффективны. Это так называемая концепция «последнего довода» (*ultimaratio*). Современные немецкие практики активно развивают методы изменения внешности и голоса при видеоконференцсвязи, а также институт «доверенных лиц полиции», которые внедряются в преступную среду. Важно отметить, что в Германии вопросы физической защиты (смена места жительства, документов) находятся в ведении специальных подразделений полиции земель и Федерального ведомства криминальной полиции (ВКА), однако, в отличие от США, изменение внешности там применяется крайне редко и считается экстраординарной мерой.

Анализируя совокупность мнений ученых относительно современного состояния институтов защиты в этих странах, можно выделить общую тенденцию к гуманизации и дигитализации. Так, в современных научных работах отмечается, что все три страны сталкиваются с новыми вызовами цифровой эпохи. Скрыть человека в мире тотального цифрового следа (биометрия, социальные сети, банковские транзакции) становится сложнее, чем в 1970-е годы. В связи с этим и в США, и в Германии наблюдается отход от парадигмы «физического переселения» к парадигме «легендированного существования» в цифровой среде.

¹ Гапонова В.Н. Реализация мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства: сравнительно-правовой аспект (Россия и Германия) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 156.

Кроме того, нельзя не отметить критическую позицию ряда отечественных авторов, например, Б.Я. Гаврилова, который предостерегает от слепого копирования западных моделей¹. Он аргументированно указывает, что эффективность программы WITSEC базируется на большом бюджете (десятки миллионов долларов ежегодно) и экстерриториальности (возможность переселить человека, например, с Аляски во Флориду), чем Россия располагает лишь отчасти, а европейские страны – еще в меньшей степени. Итальянский опыт, при всей его успешности в 90-е, сегодня значительно замедлился из-за бюрократизации процедур и снижения качества «сделок с правосудием». Немецкая же модель, будучи процессуально безупречной, иногда оказывается бессильной перед грубой физической угрозой, когда свидетель устраняется еще до начала судебного разбирательства.

Сравнительно-правовой анализ также вскрывает различия в субъектах, подлежащих защите. В США круг защищаемых лиц максимально широк и фактически определяется целесообразностью (защищают даже дальних родственников мафиози, если это может помочь делу). В Германии подход более формализован и ограничен непосредственными участниками процесса и их близкими. Италия занимает промежуточную позицию. Для российского законодателя этот опыт важен при решении вопроса о расширении круга лиц, подлежащих государственной защите, который в РФ пока остается предметом дискуссий.

Отдельного внимания заслуживает вопрос межгосударственного сотрудничества. Ряд европейских стран (таких как Германия и Италия) разработали комплексный защищенный канал связи для переселения потерпевших и свидетелей в рамках Европола, поскольку в рамках того же ЕС данных лиц укрыть не представлялось возможным. Опыт США показывает, что подобная система работает на законодательном уровне, путем заключения международных договоров с Канадой, Австралией и Великобританией. В этом

¹ Гаврилов Б.Я. Эффективность мер государственной защиты: мифы и реальность (на примере зарубежных стран) // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1 (69). С. 28.

ключе справедливо мнение Н.В. Маликовой о том, что подобная система должна иметь место и в рамках СНГ или БРИКС, поскольку переселение вышерассматриваемых лиц в рамках одной страны может не в полной мере обеспечивать их конспиративность¹.

В разрезе научного знания представляется интересным рассмотреть истоки возрождения института обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей. В 70-80-е года прошлого столетия функция обеспечения безопасности рассматривалась исключительно как полицейская. В 21-м столетии начиная с ряда западных стран данное направление приобрело комплексный характер и социально-правовую структуру, в которую входило помимо правовой регламентации и психологическое сопровождение данных лиц, финансовую составляющую (со стороны государства в рамках соответствующих программ) и дальнейшую ресоциализацию таких лиц. Американские исследования наглядно показывают, что частый выход свидетелей и потерпевших из такой программы сопровождается сложностью к приспособлению такого уровня социальной жизни, соответственно психологическое сопровождение было взято на особый контроль правоохранительными органами.

Таким образом, аккумулировав историко-правовой срез в рамках обеспечения безопасности западных стран, отметим, что в каждой из рассматриваемых стран развитие института обеспечения безопасности начиналось с игнорирования проблемы как таковой (в связи с процветанием мафиозных групп), что в конечном итоге привело комплексному механизму государственной защиты. Американская модель отличается жесткостью в мерах безопасности. Итальянская модель в большей степени направлена на полный развал преступных сообществ за счет применения мер безопасности. Немецкая же модель балансирует между правами человека и его безопасностью, акцентируя внимание на процессуальных гарантиях.

¹ Маликова Н.В. Международное сотрудничество в сфере государственной защиты участников уголовного судопроизводства: современные вызовы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 4 (66). С. 21.

Правоприменительная практика России, хоть и не достигнула немецкого уровня обеспечения безопасности, однако постепенно вырабатывает правовые подходы к применению уголовно-процессуальных мер безопасности. Показателен в этом отношении приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбурга по делу о вымогательстве, совершенном организованной группой. Суд допросил троих свидетелей обвинения под псевдонимами и с использованием акустической маскировки голоса посредством видеоконференцсвязи в соответствии с ч. 5 ст. 278.1 УПК РФ¹.

Общим для всех рассмотренных юрисдикций является признание государственной защиты не как акта благотворительности со стороны государства, а как необходимого условия функционирования правосудия. Без гарантий безопасности свидетелей государство теряет монополию на истину и наказание. Для Российской Федерации, находящейся на этапе совершенствования своего законодательства, особенно важно учитывать не только положительные аспекты, но и ошибки зарубежных правоохранительных органов. В частности, это касается необходимости усиления социальной составляющей защиты, гибкости в работе с лицами, заключившими досудебное соглашение, и внедрения высоких стандартов цифровой и процессуальной безопасности. Как показывают результаты опроса, практические сотрудники также ориентированы на технологическое внедрения современных технологий: 83,3% респондентов высказались за использование современных технологий (искусственный интеллект, биометрия) в системе государственной защиты (Приложение 1). Перспективы развития российского института лежат в плоскости синтеза этих подходов, адаптированных к отечественным реалиям правоприменения.

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 14 февраля 2025 г. № 1-42/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

§ 2. Способы обеспечения безопасности подозреваемых и обвиняемых, содействующих раскрытию и расследованию преступлений

Обеспечение безопасности подозреваемых и обвиняемых, активно содействующих следствию, представляет собой, пожалуй, наиболее сложную и противоречивую область в институте государственной защиты. Специфика правового статуса данной категории лиц заключается в их дуализме: с одной стороны, они являются объектами уголовного преследования, в отношении которых государство осуществляет репрессивную функцию, а с другой – выступают ценнейшими носителями доказательственной информации, требующими протекции от мести соучастников. В современной доктрине уголовного процесса, отраженной в трудах О.А. Зайцева¹ и А.Ю. Епихина², этот феномен рассматривается через призму концепции компромисса в борьбе с преступностью: государство гарантирует безопасность обвиняемому в обмен на ценную информацию, позволяющую разрушить преступную структуру изнутри. Однако реализация этого на практике сталкивается с целым рядом нормативных и тактических проблем, существенно отличающих меры безопасности в отношении обвиняемых от аналогичных мер, применяемых к потерпевшим или свидетелям.

Законодательная основа защиты данной категории лиц базируется на ч. 3 ст. 11 УПК РФ, которая декларирует обязанность суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя и дознавателя принимать меры безопасности в отношении участника уголовного судопроизводства без какой-либо дискриминации по процессуальному статусу. ФЗ-119 в ст. 2 прямо включает подозреваемых и обвиняемых в перечень защищаемых лиц. Более того, глава 40.1 УПК РФ, регламентирующая порядок заключения досудебного соглашения

¹ Зайцев О.А. Теория и практика государственной защиты участников уголовного судопроизводства: современные вызовы // Журнал российского права. 2024. № 2. С. 55.

² Епихин А.Ю. Проблема определения личной безопасности в современном российском уголовном процессе // Журнал передовых исследований в области права и экономики. 2017. Т. 7. № 6. С. 1539.

о сотрудничестве, в ч. 2 ст. 317.9 императивно указывает на необходимость применения мер государственной защиты к лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, при возникновении угрозы его безопасности. Казалось бы, нормативная база унифицирована. Однако глубокий анализ правоприменительной практики территориальных органов внутренних дел и следственных изоляторов (далее – СИЗО) указывает на существенную дифференциацию в способах реализации этих норм.

Ключевое отличие кроется в фактическом местонахождении защищаемого лица. Если потерпевший или свидетель, как правило, находятся на свободе, и к ним применяются меры, направленные обеспечения безопасности физического плана (переселение, личная охрана, охрана жилища), то подозреваемый или обвиняемый, содействующий следствию по тяжким и особо тяжким преступлениям, чаще всего содержится под стражей. В этом контексте меры безопасности, предусмотренные ФЗ-119, трансформируются в специфические меры безопасности, регулируемые Федеральным законом от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – ФЗ-103)¹.

Как справедливо отмечает А.В. Красильников, для обвиняемого безопасность становится синонимом изоляции². Основной мерой безопасности в условиях СИЗО является раздельное содержание (ст. 33 ФЗ-103), то есть помещение лица в отдельную камеру или в камеру с лицами, не представляющими для него угрозы (так называемые «безопасные камеры»). При этом возникает парадокс, на который указывают ряд ученых: меры безопасности могут восприниматься самим обвиняемым как усиление карательного воздействия, так как одиночное заключение психологически переносится тяжелее. Тем не менее, анализ приговоров судов показывает, что

¹ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон Рос. Федерации от 15 июля 1995 № 103-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 июня 1995 г. 1995. №. 24. Ст. 2376.

² Красильников А.В. Особенности обеспечения безопасности обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3 (39). С. 112.

именно физическая изоляция от основной массы заключенных является единственным действенным способом сохранить жизнь лицу, давшему показания против членов организованных преступных групп.

Существенной проблемой также является применимость к обвиняемым меры безопасности по изменению внешности и замене документов (ст. 6 ФЗ-119). Л.В. Брусницын аргументированно ставит вопрос: как технически реализовать выдачу нового паспорта лицу, находящемуся в СИЗО, и под каким именем его этапировать в суд?¹. Практика пошла по пути создания так называемых «легендированных» личных дел внутри системы Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (далее – ФСИН России). В этом случае подозреваемый числится в учетных документах следственного изолятора под псевдонимом, и даже конвойная служба может не знать его реальной личности. Это требует межведомственного взаимодействия между следователем, органом, осуществляющим государственную защиту, и администрацией места содержания под стражей. В отличие от свидетеля, который просто имеет возможность переехать в другой город при избрании такой меры безопасности, для обвиняемого создается сложная система «процессуального камуфляжа», которая должна выдержать проверку на всех этапах – от ознакомления с материалами дела до судебного разбирательства. Показательным является пример из практики, когда в условиях изоляции обвиняемого, заключившего досудебное соглашение, угроза была нейтрализована лишь переводом в СИЗО другого региона, тогда как попытка оставить его в том же субъекте привела бы посягательству в отношении последнего².

Особый пласт проблем вскрывается при анализе тактики проведения следственных действий с участием защищаемого обвиняемого. Здесь меры безопасности вступают в жесткую конкуренцию с правом других обвиняемых

¹ Брусницын Л.В. Проблемы применения мер безопасности к лицам, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве // Уголовное право. 2022. № 6. С. 24.

² Уголовное дело № 123*****881/24 по ч. 1 ст. 105 УК РФ // Производство СУ СК России по Республике Башкортостан

на защиту (ст. 16 УПК РФ). При проведении очной ставки с подельниками, которых лицо изобличает, следователь обязан обеспечить визуальную и акустическую недосыгаемость защищаемого. Однако, как верно подмечает В.Ю. Стельмах, если свидетель может быть допрошен в суде под псевдонимом и без визуального контакта (ст. 278.1 УПК РФ), то в отношении соучастника преступления анонимность сохранить практически невозможно, так как другие фигуранты дела прекрасно знают, кто именно из их группы заключил досудебное соглашение о сотрудничестве¹. В этой ситуации псевдоним в протоколе становится фикцией, не обеспечивающей реальной защиты. Поэтому акцент смещается с процессуальных мер безопасности (которые более эффективны для иных участников уголовного судопроизводства) на усиленную физическую охрану при транспортировке и нахождении в здании следственного органа или суда.

Практика территориальных судов подтверждает, что в подобных ситуациях акцент неизбежно смещается с процессуальных на физические меры безопасности. По материалам дела, рассмотренного Центральным районным судом г. Новосибирска, подсудимый заключил досудебное соглашение о сотрудничестве и дал изобличающие показания в отношении пятерых членов преступного сообщества, специализировавшегося на незаконном обороте наркотиков. В ходе судебного разбирательства в отношении него как лица, заключившего соглашение, суд констатировал, что в период предварительного расследования к нему были применены меры государственной защиты в виде отдельного содержания в СИЗО и перевода в следственный изолятор другого субъекта Федерации, что позволило исключить непосредственный контакт с соучастниками. Суд учел активное содействие следствию как обстоятельство,

¹ Стельмах В.Ю. Процессуальные, тактические и психологические аспекты производства очной ставки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2 (36). С. 101.

существенно смягчающее наказание, и назначил наказание ниже низшего предела, предусмотренного санкцией статьи¹.

Интересна позиция ряда современных исследователей относительно применения к обвиняемым меры безопасности в виде «изменения места жительства». В отношении иных участников это означает переезд в другой регион.

Для заключенного под стражу аналогичной мерой будет являться перевод последнего в иной следственный изолятор (далее – СИЗО), для осужденного аналогично, только в иную исправительную колонию (и то, и другое лицо могут перемещать в иные субъекты РФ). Анализ приговор отмечает положительную тенденцию применения таких мер безопасности, поскольку заключенные, дающие изобличающие показания, имеют наименьший риск оказания в отношении них противоправного воздействия. Е.В. Епифанова указывает на то, что несмотря на частое применение правоохранительными органами таких мер безопасности, они сталкиваются с правовыми сложностями перевода, а именно длительное согласование такой меры аппаратом ФСИН России².

Следует обратить внимание на обеспечения безопасности лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста или наложен запрет определенных действий. Одна здесь вполне возможно применять весь комплекс мер безопасности, при этом учитывая процессуальные запреты органов предварительного расследования. Оперативные сотрудники подразделения государственной защиты вынуждены не только охранять обвиняемого от внешних угроз, но и контролировать соблюдение им условий меры пресечения, то есть фактически выполнять дублирующие функции инспекции ФСИН России. В.Н. Гапонова указывает на правовую неопределенность в вопросе применения оружия сотрудниками государственной защиты: защищая обвиняемого от угрозоносителя, они

¹ Приговор Центрального районного суда г. Новосибирска от 22 января 2025 г. № 1-18/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

² Епифанова Е.В., Пахомов С.В. Государственная защита лиц, содействующих правосудию: монография. Краснодар: КубГАУ, 2023. С. 145.

действуют в состоянии необходимой обороны, но, если сам обвиняемый попытается скрыться, нарушив меру пресечения, статус сотрудников государственной защиты (которые не являются конвоем) становится размытым¹.

Существенной проблемой в аспекте реализации государственной защиты на постпенитенциарной стадии является регламентация применения мер безопасности в отношении осужденных, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве. Согласно ч. 3 ст. 317.9 УПК РФ, меры государственной защиты продолжают действовать в период отбывания уголовного наказания. Однако институциональное взаимодействие между правоохранительными органами, осуществляющими функции на досудебном этапе уголовного судопроизводства (органы внутренних дел, Федеральная служба безопасности (далее – ФСБ)), и органами уголовно-исполнительной системы (ФСИН России) характеризуется неопределенностью критериев выбора оптимальных средств защиты. Научная доктрина уголовного процесса констатирует, что система пенитенциарных учреждений создает особые условия опасности для лиц, оказавших содействие правосудию посредством дачи изобличающих показаний. Исходя из принципов защиты конституционных прав подозреваемых и обвиняемых, в качестве действенного механизма предлагается применение избирательного принципа распределения осужденных, сотрудничавших со следствием, в специализированные исправительные учреждения, предусмотренные для лиц, требующих повышенного режима охраны в целях недопущения посткриминального воздействия со стороны членов преступных сообществ, либо их размещение в исправительных учреждениях, территориально удаленных от мест совершения расследуемых преступлений.

Проведенный анализ соответствия процессуальных механизмов обеспечения безопасности подозреваемых и обвиняемых целям и задачам уголовного судопроизводства позволяет согласиться с позицией С.В. Смирнова

¹ Гапонова В.Н. Правовой статус сотрудников органов, осуществляющих государственную защиту: пробелы законодательства // Полицейская деятельность. 2022. № 4. С. 158.

относительно формализованности применяемого подхода¹. Актуальной проблемой правоприменительной практики является вынесение следователем постановлений о сохранении в тайне данных, позволяющих идентифицировать личность защищаемого лица и составляющих уголовно-процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого, в условиях, когда указанные данные уже известны всем участникам уголовного судопроизводства. Проблема компрометации процессуальных гарантий безопасности усугубляется тем, что фокусировка на формально-процессуальных мероприятиях отвлекает ресурсы правоохранительных органов от реализации существенных мер защиты, таких как оперативное сопровождение и организационно-технические мероприятия по обеспечению безопасности жилых помещений, в которых проживают члены семьи защищаемого лица. Практика свидетельствует, что в целях оказания давления на участников уголовного судопроизводства, давших показания против членов преступного сообщества, применяются угрозы в отношении лиц, находящихся в родственных и иных близких отношениях с защищаемым.

Данная закономерность находит прямое подтверждение в судебной практике. Приговором Советского районного суда г. Казани был осужден гражданин С., который, зная о том, что его подельник заключил досудебное соглашение о сотрудничестве с органами следствия, на протяжении двух месяцев систематически угрожал расправой супруге и несовершеннолетним детям последнего с целью принудить его отказаться от показаний. Суд квалифицировал содеянное по ч. 2 ст. 309 и ч. 1 ст. 119 УК РФ в совокупности².

Аналогичные угрозы, сопряженные с шантажом, были установлены в ходе расследования уголовного дела № 125*****335/24, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 309 УК РФ, в

¹ Смирнов С.В. Эффективность мер государственной защиты на досудебных стадиях: критический анализ // Российский следователь. 2024. № 5. С. 42.

² Приговор Советского районного суда г. Казани от 11 марта 2025 г. № 1-61/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

отношении фигуранта, требовавшего от потерпевшего отказа от показаний под угрозой уничтожения имущества¹.

Таким образом, результативное осуществление мер государственной защиты требует сочетания в применении режимных ограничений в отношении обвиняемого и охранительных мер в отношении членов его семьи и близких. Согласованность действий различных структурных подразделений органов, осуществляющих защиту, является необходимым условием эффективности применяемых мер; между тем, материалы практической деятельности территориальных органов внутренних дел указывают на отсутствие устойчивой связи в принятии и реализации мер безопасности. Анкетирование сотрудников подтверждает данную проблему. Лишь 25% респондентов оценили уровень межведомственного взаимодействия как высокий, тогда как 58,3% – как средний, а 16,7% – как низкий, что создает предпосылки для процессуальных нарушений и затягивания сроков применения мер защиты (Приложение 1).

Значительную роль играет также нормативное регулирование оснований и процедур прекращения применения мер государственной защиты в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве. Для потерпевших и свидетелей прекращение мер безопасности логически следует из фактического отсутствия оснований для их применения (вступление в законную силу приговора в отношении лиц, угрожавших защищаемому, либо установление обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии реальной угрозы). В отношении обвиняемых, разоблачивших соучастников в преступной деятельности, угроза посткриминального воздействия имеет перманентный характер, выходящий за пределы сроков действия отдельных судебных решений. Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает возможность отмены мер государственной защиты при устранении оснований их применения (ст. 20 ФЗ-119). Вместе с тем категория «устранение угрозы» применительно к лицам, осуществившим разоблачение

¹ Уголовное дело № 125*****335/24 по п. «б» ч. 2 ст. 309 УК РФ // Производство СУ СК России по Республике Башкортостан.

членов организованных преступных сообществ, предполагает неопределенность оценочного характера. В этой связи в научной доктрине высказывается обоснованное предложение о законодательном закреплении режима пожизненных гарантий государственной защиты для категории лиц, информационное взаимодействие которых с правоохранительными органами явилось решающим фактором разложения преступной организации и пресечения ее деятельности¹. Однако реализация такого расширительного подхода требует соответствующего увеличения бюджетных ассигнований на нужды государственной защиты, что предполагает дополнительное финансовое обеспечение на федеральном уровне.

Дополнительно следует отметить конкуренцию норм, регламентирующих применение мер государственной защиты, с положениями уголовно-процессуального законодательства, обеспечивающими право лица на реабилитацию и восстановление нарушенных прав и свобод.

Отметим законодательный пробел, который, по нашему мнению, нуждается в восполнении. Так, ни в уголовно-процессуальном, и в специальном законодательстве о государственной защите участников предварительного расследования не указано как следует поступать в случаях, если уголовное преследование прекращено, а к лицу было применена мера безопасности в виде замены документов. Несомненно, общий порядок отмены мер безопасности имеет воплощение в законодательных нормах, однако сам процесс возвращения своих подлинных документов до применения мер безопасности не предусмотрен. На наш взгляд, необходимо разработать единый алгоритм в части разрешения данной проблемы.

Таким образом, подозреваемые и обвиняемые занимают особое место среди субъектов обеспечения безопасности, поскольку вхождение последних в программу защиты имеет двойственную природу. С одной стороны они являются субъектами, в отношении которых органы предварительного

¹ Гаврилов Б.Я. Совершенствование досудебного производства и меры безопасности: взгляд в будущее // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 2 (66). С. 30.

расследования в силе государства применяют ограничительные меры, с другой – они являются носителями ценной информации для уголовного дела. Несмотря на формальную унификацию законодательной базы (ч. 3 ст. 11 УПК РФ, ст. 2 ФЗ-119, ч. 2 ст. 317.9 УПК РФ), практическая реализация мер безопасности существенно дифференцируется в зависимости от фактического местонахождения защищаемого лица. Для содержащихся под стражей основными способами защиты выступают раздельное содержание, создание легендированных личных дел и межрегиональные переводы, тогда как процессуальные меры (использование псевдонимов) утрачивают эффективность при проведении очных ставок с соучастниками. Важными проблемами института являются: формализм процессуальных мероприятий при компрометации данных защищаемого; межведомственная разобщенность органов, осуществляющих защиту; неопределенность критериев прекращения мер безопасности; отсутствие гарантий постпенитенциарной защиты и механизмов восстановления статуса при реабилитации. Эффективная защита требует комплексного подхода, сочетающего режимные ограничения в отношении обвиняемого с охранительными мерами в отношении членов его семьи, что предполагает законодательное закрепление пожизненных гарантий для лиц, разоблачивших организованные преступные сообщества, и соответствующее финансовое обеспечение.

§ 3. Совершенствование организации применения мер государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству

Проблема обеспечения безопасности участников российского уголовного процесса напрямую связана с продвижением уголовного судопроизводства. Обязанностью государства является противодействие преступности, однако интересы личности напрямую не связаны с этим процессом. В этом есть определенное противоречие. Необходим эффективный баланс между реализацией интересов государства в борьбе с преступностью и защитой

законных интересов личности в уголовном процессе. Трудность сбора доказательств, раскрытия преступления и установления личности преступника может быть решена путем установления мотивации жертв и свидетелей содействовать уголовному процессу. Такая помощь граждан может быть осуществлена только при гарантии безопасного участия в уголовном процессе и содействии этому путем выполнения государством своего долга. Однако практика осуществления государственной защиты сталкивается с системными трудностями. Среди проблем, отмеченных сотрудниками подразделений государственной защиты, лидируют недостаточное финансирование (75%), организационные сложности (66,7%) и несовершенство нормативной базы (58,3%) (Приложение 1).

Фундаментальные основы института государственной защиты и безопасности участников российского уголовного процесса были сформированы в конце XX и начале XXI веков¹.

В последние годы активизировались актуальные научные разработки в области уголовно-процессуальной безопасности участников уголовного судопроизводства. Это относится к созданию обоснованных методов применения мер государственной защиты и обеспечения безопасности лиц, способствующих отправлению правосудия.

Представляется, что безопасность участия потерпевших и других лиц, участвующих в уголовном деле, является отправной точкой современного обеспечения уголовного судопроизводства и формирует соответствующие задачи в конкретных условиях деятельности следователя и суда².

¹ Мельникова, Е. Ф. Реалии применения законодательства о государственной защите участников уголовного судопроизводства / Е. Ф. Мельникова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 253-260.

² Малышев С. Я. Вопрос об обоснованности принятия решения об осуществлении государственной защиты органом, обеспечивающим государственную защиту в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [Текст] / С. Я. Малышев, А. Р. Табаков // Деятельность органов внутренних дел по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите в современных условиях: вопросы теории и практики [Текст]: материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Уфа, 26 мая 2019 г. / [под общ. ред. Ф. Б. Мухаметшина]. Уфа, 2019. С. 53-58.

Принятие конкретных уголовно-процессуальных мер безопасности в отношении защищаемых лиц может осуществляться в различных тактических направлениях: при проведении отдельных следственных и судебных действий, обеспечении конфиденциальности расследования или недопустимости разглашения данных предварительного расследования; применении превентивных мер; преодолении противодействия расследованию и судебному рассмотрению дела. уголовное дело. При применении мер безопасности к защищаемым лицам важно учитывать особенности незаконного воздействия на участников процесса: уровень опасности при проведении определенных следственных, судебных и иных процессуальных действий, сложные (особые) условия их проведения и т.д.

Современное состояние научного развития института личной безопасности в уголовном судопроизводстве позволяет сделать вывод о необходимости расширения межотраслевых связей и исследований в балансе интересов обвинения и защиты.

Институт безопасности участников уголовного судопроизводства давно приобрел международный характер. Проблемы его реализации на уровне национальных правовых систем различных государств заключаются в несогласии с общепринятыми положениями¹. Его правовое регулирование отмечено в ряде документов, имеющих статус международных конвенций.

Таким образом, в отдельных международных актах анализируется вопрос о балансе интересов при осуществлении защиты своего права на допрос свидетеля обвинения, с одной стороны, и интересов защищаемого лица, жизни которого угрожает опасность, с другой стороны. В решении по делу Дорсон против Нидерландов говорится следующее: «Статья 6 конкретно не требует учета интересов свидетелей. Однако, когда на карту поставлены жизнь, свобода или безопасность человека, тогда этот вопрос подпадает под действие статьи 8

¹ Епихин А. Ю. Проблема определения личной безопасности в современном российском уголовном процессе / А. Ю. Епихин // Журнал передовых исследований в области права и экономики. 2017. Т. 7, № 6. С. 1539-1545.

Конвенции по общему правилу»¹. Эта правовая позиция содержит следующие ключевые моменты: если жизни (свободе или безопасности) защищаемого лица угрожает опасность, то интересы стороны защиты могут быть ограничены при изучении доказательств (постановка вопросов защищаемому лицу и т.д.). Как мы видим, баланс общественных и частным интересам в этой ситуации отдается предпочтение перед безопасностью защищаемого лица.

В другом решении Организации объединенных наций (далее – ООН) отмечается, что решение суда не может основываться исключительно на показаниях анонимного свидетеля, в противном случае нарушается право на защиту². Такой правовой подход имеет свое оправдание. Во-первых, обвинение должно основываться на достаточном наборе обвинительных доказательств. Если у обвинения нет других доказательств, кроме показаний анонимного свидетеля, суд не имеет права привлекать виновного.

Наличие достаточных оснований для классификации свидетелей было отмечено в решении Суда ООН. Обязанность суда подробно рассмотреть причины сохранения анонимности свидетелей на судебном заседании подробно изложена в решении Суда ООН от 28.02.2006.

Суд ООН признает обязанность суда проверять процедуру и условия получения доказательств от анонимных свидетелей. Таким образом, по мнению Суда ООН, отсутствие проверки в судебном заседании процедуры и условий, в которых были получены показания анонимных свидетелей, приводит к нарушению ст. 6 Европейской конвенции по правам человека³.

По словам Л.В. Брусницына, УПК РФ не предусматривает разглашения заявлений кого бы то ни было из соображений безопасности в суде, хотя это

¹ Епихин А. Ю. Защита свидетелей и потерпевших: международно-правовые акты, законодательство некоторых государств и современное российское законодательство / А. Ю. Епихин // Журнал передовых исследований в области права и экономики. 2017. Т. 7, № 2. С. 313-322.

² Дело по защите граждан Нидерландов: Постановление Генеральной Ассамблеи ООН от 20 мая 2020 г. № COONBP/2020/051. URL: <https://www.un.org> (дата обращения 02.12.2022)

³ Дело по защите граждан Франции: Постановление Генеральной Ассамблеи ООН от 20 сентября 1993 г. № COONBP/1993/434. URL: <https://www.un.org> (дата обращения 02.12.2022)

признано приемлемым Европейским судом по правам человека при условии, что сторона защиты в рамках досудебного производства имела возможность задавать вопросы защищаемому лицу непосредственно или через лицо, ведущее разбирательство по делу¹.

До настоящего времени жертва преступления с точки зрения уголовно-процессуального права была сложным субъектом как на территории Российской Федерации так в ряде других зарубежных стран. Причина крылась в том, что многие ученые правоведы рассматривали уголовный процесс как противостояние двух сторон, с одной стороны государства, которое преследует лицо, совершившее преступление, с другой - преследуемое лицо, то есть подозреваемый, обвиняемый. Преследующее государство видит свои интересы в возможности применения норм материального уголовного права и не оставлять виновных безнаказанными. Преследуемый, в свою очередь, защищает противоположные интересы в области свободы, т.е. он/она старается по возможности меньше вторгаться в свою личную свободу, собственность, жилище, тайну переписки и т.д. Таким образом, вся уголовно-процессуальная деятельность рассматривалась как противостояние, прежде всего, государства и преступника, а интересы жертвы преступления и, особенно, других участников процесса отходили на второй план.

В результате потерпевший рассматривался не только законодателем, но и правоохранительными органами, прежде всего, как источник информации, а его права, включая право на обеспечение участия в уголовном деле, не были должным образом реализованы. Неприятный опыт общения с прокурорскими органами привел потерпевшего (свидетеля и других участников уголовного процесса) к реальной опасности того, что некоторые из потерпевших побоялись подавать заявления. В результате этого процесса увеличилось количество скрытых и безнаказанных (латентных) преступлений.

¹ Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (Процессуальное исследование) / Л. В. Брусницын. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 12.

Действующее российское уголовное законодательство устанавливает четко определенные формулировки для таких угроз: принуждение к отказу содействовать правосудию путем изменения показаний в сочетании с шантажом, угрозой убийства, причинения вреда здоровью, уничтожения или повреждения имущества этих лиц или их родственников (п. 2 ст. 309 УК РФ Российской Федерации)¹.

Действующий УПК РФ установил 5 уголовно-процессуальных гарантий для участников процесса. В п. 3 ст. 11. Закона применяется к мерам безопасности следующим образом: не включать данные о личности защищаемого лица в протокол следственного действия (п. 9 ст. 166); контроль и запись телефонных и иных переговоров (п. 2 ст. 186); опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение (п. 8 ст. 193); рассмотрение уголовного дела в закрытом судебном заседании (п. 4 ч. 2 ст. 241); допрос свидетеля (потерпевшего) в суде без разглашения истинных данных о нем, при обстоятельствах, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства (п. 5 ст. 241, 278, 277).

На современном этапе развития законодательства об обеспечении безопасности имеется довольно внушительный список субъектов, подлежащих государственной защите. Однако не всегда применение таких мер оказывается эффективным. Примечательно, что, вопреки отдельным научным дискуссиям, практические работники не поддерживают идею экстенсивного расширения перечня защищаемых лиц: 83,3% опрошенных сотрудников ответили отрицательно на вопрос о необходимости такого расширения, считая более важным укрепление существующих механизмов защиты (Приложение 1).

Необходимо сделать акцент на совершенствовании организационного аспекта применения мер безопасности. Так, нуждается в проработке вопрос об усилении конфиденциальности при обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства. В частности, необходимо закрепить на уровне

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения 01.12.2022)

законных или подзаконных нормативных актах четких алгоритм применения мер, связанных с конфиденциальностью защищаемых лиц, а также предусмотреть ответственность за соблюдение конфиденциальности правоохранительными органами.

Кроме того, необходимо вводить программы повышения квалификации для следователей и оперативных сотрудников в данной области, для повышения эффективности применения мер безопасности. Также важно осуществлять постоянный мониторинг и оценку мер государственной защиты с целью их улучшения и совершенствования.

Таким образом, совершенствование организации применения мер государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, представляет собой комплексную задачу, требующую баланса учета интересов государства в борьбе с преступностью и защиты законных интересов личности. Современное состояние института государственной защиты, сформированного на рубеже XX-XXI веков, характеризуется недостаточной эффективностью применяемых мер.

Показательным примером системных сбоев в механизме государственной защиты служит дело, рассмотренное Кировским районным судом г. Уфы. Потерпевший по делу о мошенничестве, совершенном организованной группой, обратился с заявлением об угрозах в его адрес еще на стадии предварительного расследования, однако ни следователь, ни орган, уполномоченный на принятие решения о применении мер безопасности, в установленные сроки соответствующего решения не приняли. В результате до потерпевшего было физически применено насилие, после чего он изменил показания¹.

Приоритетными направлениями развития института являются: гармонизация российского законодательства с международными стандартами, определяющими баланс между правом на защиту и безопасностью защищаемых лиц. Действующий УПК РФ закрепляет пять процессуальных гарантий

¹ Приговор Кировского районного суда г. Уфы от 17 апреля 2025 г. № 1-84/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

безопасности, однако их реализация требует усиления межведомственного взаимодействия, обеспечения максимальной конфиденциальности данных о защищаемых лицах, проведения специализированного обучения сотрудников правоохранительных органов и постоянного мониторинга эффективности применяемых мер с целью их корректировки в соответствии с развитием форм противодействия правосудию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотрев выпускную квалификационную работу на тему: «Становление института государственной защиты в России, перспективы развития (по материалам территориального органа внутренних дел)», были сделаны следующие выводы:

1. Проанализирована эволюция института обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству и выделено три ключевых этапа становления института государственной защиты: 1) «латентный» (советский период) – отсутствие законодательной базы и отрицание проблемы; 2) «экстренный» (90-е годы) – фрагментарное регулирование в условиях роста организованной преступности, защита преимущественно должностных лиц; 3) «системный» (настоящее время) – формирование комплексного правового института, распространяющегося на всех участников судопроизводства. При этом современное состояние института нельзя назвать статичным. Наблюдается продолжающийся процесс трансформации, обусловленный новыми вызовами (киберугрозы, необходимость социальной адаптации защищаемых лиц). Итогом исторического развития стало понимание того, что государственная защита – это не просто набор правовых мер, а сложный межотраслевой комплекс, эффективность которого напрямую зависит от согласованности действий законодателя и правоприменителя на уровне территориальных органов внутренних дел. Дальнейшие перспективы развития данного института лежат в плоскости совершенствования механизмов социальной поддержки защищаемых лиц и усиления гарантий информационной безопасности в цифровой среде.

2. Рассмотрен и раскрыт сравнительный анализ российского законодательства и законодательства некоторых зарубежных стран по вопросам организации обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству. Автор пришел к выводу о том, что российская модель государственной защиты представляет собой гибридную конструкцию, вобравшую в себя черты как инквизиционного, так и состязательного типов.

Сравнение с законодательством стран СНГ демонстрирует лидерскую роль России в формировании правовой базы, однако значительно отстает в вопросах внедрения цифровых технологий защиты. Изучение западных правовых моделей обеспечения безопасности наглядно показывает, что в правоприменительной деятельности Российской Федерации возникает необходимость совершенствования социальной реабилитации лиц, в отношении которых мер безопасности были прекращены (ресоциализация). Однако перспектива развития отечественного законодательства состоит не в слепом копировании зарубежного опыта, а в имплементации некоторых положений, которые бы оказали положительное воздействие на институт государственной защиты.

3. Изучено зарубежное право в сфере защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству и выявлено, что страны с устоявшейся демократией и развитой правовой системой прошли схожий путь эволюции: от игнорирования проблемы безопасности свидетелей к созданию ресурсоемких механизмов государственной защиты. Американская модель демонстрирует эффективность жесткого разрыва связей с прошлым защищаемого лица и создания нового «образа», что требует колоссальных затрат. Итальянская модель показывает пример эффективного использования института защиты как инструмента разрушения преступных сообществ изнутри через сотрудничество со следствием. Немецкая модель представляет баланс между безопасностью и правами человека, делая упор на процессуальные гарантии. Общим для всех рассмотренных правовых позиций является признание государственной защиты не как акта «благотворительности» со стороны государства, а как необходимого условия функционирования института правосудия. Без гарантий безопасности свидетелей и иных участников государство теряет монополию на истину и наказание. Для Российской Федерации, находящейся на этапе совершенствования своего законодательства, особенно важно учитывать не только положительные аспекты, но и нормативные и организационные ошибки зарубежных правоохранительных органов. В частности, это касается

необходимости усиления социальной составляющей защиты, гибкости в работе с лицами, заключившими досудебное соглашение, и внедрения высоких стандартов цифровой и процессуальной безопасности. Перспективы развития российского института лежат в плоскости синтеза этих подходов, адаптированных к отечественным реалиям правоприменения.

4. Раскрыты способы обеспечения безопасности подозреваемых (обвиняемых), содействующих раскрытию и расследованию преступлений и в связи с этим обосновано, что обеспечение безопасности подозреваемых и обвиняемых, содействующих правосудию, представляет собой наиболее сложную область государственной защиты участников уголовного судопроизводства, что обусловлено их двойственным процессуальным статусом: они одновременно являются объектами репрессивной функции государства и ценными носителями доказательственной информации. Несмотря на формальную унификацию законодательной базы (ч. 3 ст. 11 УПК РФ, ст. 2 ФЗ-119, ч. 2 ст. 317.9 УПК РФ), практическая реализация мер безопасности существенно дифференцируется в зависимости от фактического местонахождения защищаемого лица. Для содержащихся под стражей основными способами защиты выступают раздельное содержание, создание легендированных личных дел и межрегиональные переводы, тогда как процессуальные меры (использование псевдонимов) утрачивают эффективность при проведении очных ставок с соучастниками. Важными проблемами института являются: формализм процессуальных мероприятий при компрометации данных защищаемого; межведомственная разобщенность органов, осуществляющих защиту; неопределенность критериев прекращения мер безопасности; отсутствие гарантий постпенитенциарной защиты и механизмов восстановления статуса при реабилитации. Эффективная защита требует комплексного подхода, сочетающего режимные ограничения в отношении обвиняемого с охранительными мерами в отношении членов его семьи, что предполагает законодательное закрепление пожизненных гарантий

для лиц, разоблачивших организованные преступные сообщества, и соответствующее финансовое обеспечение.

5. Рассмотрена перспектива совершенствования организации применения мер государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, и выявлено, что совершенствование организации применения мер государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, представляет собой комплексную задачу, требующую баланса учета интересов государства в борьбе с преступностью и защиты законных интересов личности. Современное состояние института государственной защиты, сформированного на рубеже XX-XXI веков. Приоритетными направлениями развития института являются: разработка криминалистических характеристик незаконного воздействия и типовых криминалистических программ для своевременного выявления и нейтрализации угроз; создание методических рекомендаций по тактике проведения следственных действий с применением процессуальных мер безопасности; гармонизация российского законодательства с международными стандартами, определяющими баланс между правом на защиту и безопасностью защищаемых лиц. Действующий УПК РФ закрепляет пять процессуальных гарантий безопасности, однако их реализация требует усиления межведомственного взаимодействия, обеспечения максимальной конфиденциальности данных о защищаемых лицах, проведения специализированного обучения сотрудников правоохранительных органов и постоянного мониторинга эффективности применяемых мер с целью их корректировки в соответствии с развитием форм противодействия правосудию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – №. 27. – Ст. 4196.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – №. 25. – Ст. 2955.

3. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 31 июля 2004 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 августа 2004 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – №. 15. – Ст. 1796.

4. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федер. закон Рос. Федерации от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 марта 1995 г. – 1995. – №. 31. – Ст. 2795.

5. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июля 1995 г. – 1995. – №. 23. – Ст. 2684.

6. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон Рос. Федерации от 15 июля 1995 № 103-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 июня 1995 г. – 1995. – №. 24. – Ст. 2376.

7. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и Федеральный закон «О государственной защите потерпевших,

свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»: федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2017 г. № 7-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27 января 2017 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 1 февраля 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – №. 11. – Ст. 1285.

8. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 592. (дата обращения: 10.01.2026)

II. Учебная, научная литература и иные материалы

1. Авдеев, В.Н. Унификация законодательства стран СНГ в сфере борьбы с преступностью / В. Н. Авдеев, Л. В. Головки. – М.: Зерцало-М, 2023. – С. 85-92.

2. Ахмадуллин, А.Р. Сущность доказывания и проблемы защиты участников в современном уголовном процессе России / А. Р. Ахмадуллин // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 437-440.

3. Бондаренко, Ю.В. История подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите в зарубежных странах: учебное пособие / Ю.В. Бондаренко, П.А. Мухаметов; Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2020. – 48 с.

4. Брусницын, Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование): монография / Л.В. Брусницын. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 501 с.

5. Брусницын, Л.В. Проблемы применения мер безопасности к лицам, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве / Л.В. Брусницын // Уголовное право. – 2022. – № 6. – С. 22-28.

6. Гаврилов, Б.Я. Совершенствование досудебного производства и меры безопасности: взгляд в будущее / Б.Я. Гаврилов // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 2 (66). – С. 28-35.

7. Гаврилов, Б.Я. Эффективность мер государственной защиты: мифы и реальность (на примере зарубежных стран) / Б.Я. Гаврилов // Труды Академии управления МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 25-32.

8. Гапонова, В.Н. Актуальные вопросы совершенствования процесса доказывания (в контексте защиты участников) / В.Н. Гапонова, М.Д. Иванова // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXVIII международной научно-практической конференции. – Иркутск: ВСИ МВД РФ, 2023. – С. 144-150.

9. Гапонова, В.Н. Правовой статус сотрудников органов, осуществляющих государственную защиту: пробелы законодательства / В.Н. Гапонова // Полицейская деятельность. – 2022. – № 4. – С. 155-164.

10. Гапонова, В.Н. Реализация мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства: сравнительно-правовой аспект (Россия и Германия) / В.Н. Гапонова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 3 (102). – С. 154-160.

11. Давлетбаева, З.Н. Сравнительный анализ эффективности института защиты свидетелей в странах Центральной Азии / З.Н. Давлетбаева // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2024. – № 1. – С. 12-18.

12. Епифанова, Е.В. Государственная защита лиц, содействующих правосудию: монография / Е.В. Епифанова, С.В. Пахомов. – Краснодар: КубГАУ, 2023. – 215 с.

13. Епифанова, Е.В. Зарубежный опыт обеспечения безопасности участников уголовного процесса: история и современность / Е.В. Епифанова // Общество и право. – 2023. – № 2 (84). – С. 90-95.

14. Епифанова, Е.В. Становление и развитие правовых институтов защиты личности в России / Е.В. Епифанова. – Краснодар, 2023. – С. 85-92.

15. Епихин, А.Ю. Защита свидетелей и потерпевших: международно-правовые акты, законодательство некоторых государств и современное российское законодательство / А.Ю. Епихин // Журнал передовых исследований в области права и экономики. – 2017. – Т. 7. – № 2. – С. 313-322.

16. Епихин, А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / А.Ю. Епихин, А.В. Мишин. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2024. – 189 с.

17. Епихин, А.Ю. Проблема определения личной безопасности в современном российском уголовном процессе / А.Ю. Епихин // Журнал передовых исследований в области права и экономики. – 2017. – Т. 7. – № 6. – С. 1539-1545.

18. Зайцев, О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса: монография / О.А. Зайцев; М-во внутр. дел РФ, Всерос. НИИ. – М.: ВНИИ МВД РФ, 1997. – 135 с.

19. Зайцев, О.А. Теория и практика государственной защиты участников уголовного судопроизводства: современные вызовы / О.А. Зайцев // Журнал российского права. – 2024. – № 2. – С. 52-61.

20. Киселев, А.М. Пятидесятилетний путь развития института государственной защиты свидетелей в мире и пути его реализации в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации / А. М. Киселев, М. В. Киселев // Человек: преступление и наказание. – 2019. – № 2. – С. 190-198.

21. Коваленко, В.И. Отечественный и зарубежный опыт государственной защиты участников уголовного судопроизводства / В. И. Коваленко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 42-48.

22. Красильников, А.В. Особенности обеспечения безопасности обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах / А. В. Красильников // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 3 (39). – С. 110-115.

23. Маликова, Н.В. Международное сотрудничество в сфере государственной защиты участников уголовного судопроизводства: современные вызовы / Н.В. Маликова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2024. – № 4 (66). – С. 19-24.

24. Маликова, Н.В. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: ретроспективный и перспективный анализ / Н. В. Маликова // Научный портал МВД России. – 2024. – № 1 (65). – С. 17-22.

25. Малышев, С.Я. Вопрос об обоснованности принятия решения об осуществлении государственной защиты органом, обеспечивающим государственную защиту в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» / С.Я. Малышев // Деятельность органов внутренних дел по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите в современных условиях: вопросы теории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Уфа, 26 мая 2019 г. – Уфа, 2019. – С. 53-58.

26. Матчанова, З.Ш. Эффективность правового регулирования и правоприменения (на примере институтов госзащиты) / З. Ш. Матчанова // Коллективная монография. – М.: РГУП, 2025. – С. 102-108.

27. Мельникова, Е.Ф. Реалии применения законодательства о государственной защите участников уголовного судопроизводства / Е.Ф. Мельникова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 3 (43). – С. 253-260.

28. Нургалиев, Б.М. Реформирование уголовного процесса в странах постсоветского пространства: опыт Узбекистана и Казахстана / Б.М. Нургалиев // Государство и право. – 2023. – № 5. – С. 118-124.

29. Рамазанов, Р. М. Становление института государственной защиты участников уголовного процесса в дореволюционной и советской России / Р. М. Рамазанов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2019. – № 2 (84). – С. 41-46.

30. Смирнов, А.В. Сравнительное уголовно-процессуальное право: учебник / А. В. Смирнов. – М.: Проспект, 2022. – С. 28-35.

31. Смирнов, С.В. Эффективность мер государственной защиты на досудебных стадиях: критический анализ / С.В. Смирнов // Российский следователь. – 2024. – № 5. – С. 40-44.

32. Смык, А.А. Сравнительно-правовой анализ институтов государственной защиты свидетелей в уголовном процессе США и стран Европейского Союза / А.А. Смык, В.В. Войников // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (71). – С. 44-49.

33. Стельмах, В.Ю. Процессуальные, тактические и психологические аспекты производства очной ставки / В.Ю. Стельмах // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 2 (36). – С. 99-109.

III. Эмпирические материалы

1. Приговор Юргинского городского суда Кемеровской области от 30 апреля 2025 г. № 1-95/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

2. Приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 14 февраля 2025 г. № 1-42/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

3. Приговор Центрального районного суда г. Новосибирска от 22 января 2025 г. № 1-18/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

4. Приговор Советского районного суда г. Казани от 11 марта 2025 г. № 1-61/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

5. Приговор Кировского районного суда г. Уфы от 17 апреля 2025 г. № 1-84/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

6. Уголовное дело № 123*****881/24 по ч. 1 ст. 105 УК РФ // Производство СУ СК России по Республике Башкортостан

7. Уголовное дело № 125*****335/24 по п. «б» ч. 2 ст. 309 УК РФ // Производство СУ СК России по Республике Башкортостан

IV. Электронные ресурсы

1. Дело по защите граждан Нидерландов: Постановление Генеральной Ассамблеи ООН от 20 мая 2020 г. № COONBP/2020/051. URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 10.01.2026)

2. Дело по защите граждан Франции: Постановление Генеральной Ассамблеи ООН от 20 сентября 1993 г. № COONBP/1993/434. URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 10.01.2026)

3. Закон RICO (Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act) от 15 октября 1970 г. URL: <https://sl.ceur.ru/dictionary/zakon-rico-racketeer-influenced-and-corrupt-organizations-act/> (дата обращения: 10.01.2026)

4. Закон Иерволино-Вассалли от 26 июня 1990 г. № 162. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70019462/> (дата обращения: 10.01.2026)

5. Федеральный закон «О гармонизации защиты свидетелей, которым грозит опасность» (ФРГ) от 11 декабря 2001 г. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/zshg/gesamt.pdf> (дата обращения: 10.01.2026).

6. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, сотрудников органа государственной охраны: Закон Республики Беларусь от 13 декабря 1999 г. № 340-З. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/14bl0130/> (дата обращения: 10.01.2026)

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 10.01.2026)

8. О защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного процесса: Закон Республики Узбекистан от 14 января 2019 г. № ЗРУ-515. URL: <https://lex.uz/docs/4159922> (дата обращения: 10.01.2026)

9. О государственной защите участников уголовного судопроизводства: Закон Республики Таджикистан от 3 июля 2012 г. № 865. URL: <https://ncz.tj/content> (дата обращения: 10.01.2026)

10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения: Закон Республики Армения от 27 июля 2021 г. № ЗР-306. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=143021 (дата обращения: 10.01.2026)

Результаты анкетирования оперативных сотрудников ОРЧ ОГЗ МВД России
по Республике Башкортостан.

1.	Укажите, какую должность Вы занимаете?	а) сотрудник органа, осуществляющего государственную защиту;	83,3%
		б) руководитель подразделения государственной защиты.	16,7%
2.	Как Вы оцениваете эффективность действующего законодательства в сфере государственной защиты?	а) высокая;	8,3%
		б) средняя;	58,3%
		в) низкая;	25,0%
		г) затрудняюсь ответить.	8,3%
3.	Считаете ли Вы, что Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» требует актуализации?	а) Да	83,3%
		б) Нет	8,3%
		в) Затрудняюсь ответить	8,3%
4.	Какие меры государственной защиты, на Ваш взгляд, являются наиболее эффективными?	а) охрана жизни и здоровья;	83,3%
		б) переселение на другое место жительства;	66,7%
		в) замена документов;	50,0%
		г) изменение внешности;	16,7%
		д) иные меры.	8,3%
5.	С какими проблемами при реализации мер государственной защиты Вы сталкиваетесь?	а) недостаточное финансирование;	75,0%
		б) организационные сложности;	66,7%
		в) несовершенство нормативно-правовой базы;	58,3%
		г) иное.	16,7%
6.	Считаете ли Вы необходимым расширение круга лиц, подлежащих государственной защите?	а) да;	8,3%
		б) нет;	83,3%
		в) затрудняюсь ответить.	8,3%
7.	Как Вы оцениваете уровень межведомственного взаимодействия при реализации мер государственной защиты?	а) высокий;	25,0%
		б) средний;	58,3%
		в) низкий.	16,7%

8.	Считаете ли Вы необходимым использование современных технологий (искусственный интеллект, биометрия) в системе государственной защиты?	а) да;	83,3%
		б) нет;	8,3%
		в) затрудняюсь ответить.	8,3%
9.	Какие направления развития института государственной защиты Вы считаете приоритетными?	а) совершенствование законодательства;	91,7%
		б) укрепление материально-технической базы;	66,7%
		в) повышение квалификации сотрудников;	75,0%
		г) расширение международного сотрудничества;	33,3%
		д) иное.	8,3%

Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений, составляющих государственную и служебную тайну.

Л.А. Хамидуллин